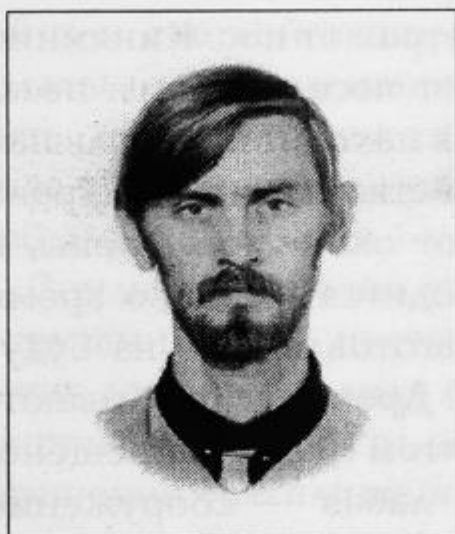

6. Земельный кодекс РСФСР. Л., 1927. С. 286-287.
7. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 324. Л. 3, 25, 41.
8. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1926. С. 341.
9. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 440. Л. 69.
10. Суханов Н. Н. Очерки по экономии сельского хозяйства. М.-П., 1924. С. 40—42.
11. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 440. Л. 69.
12. Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 49.
13. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 440. Л. 71, 70.
14. Метельский Н. Н., Толмачева Р. П., Усов А. Н. Кооперативное движение на Урале в условиях новой экономической политики. Свердловск, 1990. С. 55 (некоторые непринципиальные коррективы в подчеты внесены мной — Н. Н.).
15. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. С. 342.
16. Съезды Советов в документах. Т. 3. М., 1960. С. 54; Т. 4. М., 1962. С. 23—29.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967. С. 457-470.
18. Стенограмма заседания Аграрного института Комкадемии 17.XII.1928 // РЦХИДНИ. Ф. 17. ОП. 85. Д. 338. Л. 7 9.
19. Отсутствие единого центра по руководству контрактацией вызвало сложность учета этой работы. Последнее обстоятельство привело к полной неразберихе, а подчас и невозможности выявить данные как по отдельным направлениям контракции, так и обобщающего характера.
20. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 340. Л. 59.
21. Там же. Л. 61, 62.
22. Там же. Л. 79.
23. Там же. Л. 50.
24. Там же. Л. 94.

**АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ
ЗЕНЬКО —**

*заведующий лабораторией этнографии
Западной Сибири Института проблем
освоения Севера СО РАН,
кандидат исторических наук*

УДК 398. 32

ПОСЕЛКОВЫЕ СВЯТИЛИЩА У ХАНТОВ МАЛОГО ЮГАНА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению роли локальных святилищ в традиционной гуховной культуре хантов. Анализ базируется на полевых экспедиционных материалах автора, собранных в 1988—1992 гг. среди юганской группы хантов. Приводятся материалы по правилам организации и функционирования культовых мест, проводимой на них религиозной обрядности, рассматривается социальная и религиозная роль "хранителей" священных мест — особой категории служителей традиционных культов.

В статье подчеркивается сохранение родовых черт в функционировании локальных святилищ, несмотря на то, что собственно родовая организация у хантов перестала существовать.

The article is devoted to role of local sanctuaries in the traditional culture of Khanty people. Analysis is founded on expeditions materials, collected among Yugan group of Khanty in 1988–1992. In the article adduced the materials on organizing and functioning of sanctuaries, religious rites, social and religious role of a "keepers" of sanctuaries. In the article is accentuated a tribal traits of sanctuaries, in spite of tribal system of Khanty not exist by this time.

В традиционной духовной культуре обских угров культовые места всегда играли особую роль [См.: Гемуев, 1990; Гемуев, Сагалаев, 1986; Соколова, 1972]. Они считались эффективным каналом связи человека с миром духов и потому обладали высокой сакральной значимостью, которая сохранилась до настоящего времени. Современные полевые материалы убеждают в том, что культовые места и связанные с ними верования сохраняются у хантов лучше многих других элементов традиционной духовной культуры. Из всего многообразия разновидностей культовых мест, пожалуй, наиболее важными для оптимизации отношений с потусторонним миром выступали у хантов поселковые святилища. Они посвящались поселковому духу-покровителю, который рассматривался основным помощником и защитником жителей поселка в самых различных жизненных ситуациях. В данной статье рассматривается одно из таких культовых мест — святилище духа Кон-пах-ики, принадлежащее хантам поселка Кинямино на р. Малый Юган в Сургутском районе Тюменской области. Автору удалось трижды побывать на этом месте — во время этнографических экспедиций в 1988, 1989 и 1992 годах.

Святилище расположено примерно в пяти километрах от пос. Кинямино на небольшом болотном острове, к которому ведет от поселка почти незаметная постороннему взгляду тропа. В центре острова находится небольшая поляна, которая была расчищена специально для устройства святилища. Тропа выходит на поляну с южной стороны. Неподалеку от окончания тропы, в южной части поляны находится кострище, где разводится огонь во время посещений святилища. Рядом с кострищем лежат заготовленные на будущее дрова, запас которых постоянно возобновляется. Дрова заготавливаются из валежника, поскольку рубить деревья на святом месте запрещено. У северного края поляны возвышается священный лабаз — сооружение квадратной формы из тонких бревен с двускатной крышей, покрытой берестой и досками. Лабаз имеет небольшие размеры, по 2,5 метра в длину и ширину, и стоит на двух сваях высотой 1,5 метра. В качестве свай использованы растущие деревья, спиленные на нужной высоте. Входом лабаз ориентирован на юг. Дверной проем не имеет дверей, окна отсутствуют. Лабаз — это ритуальный и структурный центр святилища, он считается жилищем Кон-пах-ики.

Внутри лабаза, у противоположной входу стены, на расстеленной оленьей шкуре расположено изображение самого Кон-пах-ики. Идол высотой около 40 см изготовлен из дерева и облачен в меховую распашную шубу, поверх которой надето несколько халатов из покупной ткани белого цвета. Халаты надеты один на другой — каждый следующий халат по размеру больше предыдущего. Поверх халатов идол обернут несколькими кусками белой ткани и, наконец, сверху покрыт покупным ситцевым плат-

ком с узором в виде мелких цветов. Многослойное облачение придает идолу внушительные размеры и покрывает его целиком, за исключением головы, которая имеет круглую форму. Лицо изображено с помощью металлической пластины, в которой ударами гвоздя сделаны округлые отверстия, обозначающие глаза и рот. Нос оформлен в виде выпуклости, получившейся от удара по обратной стороне пластины. Мне не удалось осмотреть туловище идола, скрытое одеждой. По словам информаторов, оно имеет уплощенную форму с короткими ногами, руки обозначены трапецевидными выступами. В противоположность большинству других подобных святилищ в лабазе Кон-пах-ики отсутствует изображение его жены, упоминаний о ней нет также в фольклорных текстах.

В лабазе перед идолом лежит стопка свернутых кусков ткани, принесенных ему в подарок. Справа от Кон-пах-ики к балкам крыши подвешена связка миниатюрных (30 см в длину) моделей луков со стрелами, слева от него — связка длинных лоскутов ткани. Некоторые модели луков украшены лоскутами ткани и бисерными лентами. В левом от идола, дальнем углу лабазы находятся три стрелы длиной 1,2 м с железными наконечниками, обвитые красными лентами. Семь таких же стрел — три слева и четыре справа — приставлены наклонно к самому идолу. В правом от входа углу лабазы расположен деревянный сундук, обитый жестью. В нем хранятся ткани и деньги, подаренные духу, а также чашка с засушенным оленьим пенисом для окуривания лабазы. В этом же сундуке находится бронзовая литая фигурка размерами 4x5 см, изображающая хищную птицу с раскрытыми крыльями. Она символизирует духа молний («Чухви»), помощника Кон-пах-ики. О появлении этой фигурки информаторы ничего не помнят, но, судя по качеству и стилю ее изготовления, она имеет не местное происхождение. Рядом с сундуком хранится мешок с халатами из белой или светлой ткани для мужчин, участвующих в жертвоприношении. Халаты имеют распашной покроей, небольшую (выше колена) длину и пошиты швом наружу широкими неплотными стежками. Особенности пошива ритуальной одежды, очевидно, подчеркивают ее нефункциональность в обыденной жизни — в отличие от одежды повседневной.

Земля под лабазом усыпана остатками жертвоприношений — монетами, лоскутами ткани, пустыми бутылками, берестяными коробками. Здесь же лежит лестница в виде бревна с вырубленными в нем ступенями, которую приставляют к лабазу, если необходимо в него подняться. Во время первого посещения святилища я видел под лабазом шкуру оленя, оставшуюся после давнего жертвоприношения, позже ее унесли в лес и повесили на дерево. Здесь же хранится столешница из досок, которую используют для сооружения стола во время жертвенных трапез. Для этого перед лабазом оставлены два пня от росших здесь деревьев, спиленных на высоте 0,7 м. Чтобы соорудить стол, достаточно вытащить столешницу из-под лабазы и положить ее на пни.

У западной стены лабазы сооружены из жердей вешала, на которых развешивается сырая шкура принесенного в жертву животного. Вешала представляют собой две вбитые в землю стойки, соединенные сверху перекладиной. На перекладине, по рассказам информаторов, прежде была вырезана ножом сердцевидная личина, символизирующая духа. Однако старая перекладина пришла в негодность и ханты изготовили новую, но личину на ней по неизвестным причинам вырезать не стали. У восточной и северной стен лабазы находятся деревья, на которые вывешивают старые обветшавшие

вещи из самого лабаза — ткани, небольшие модели луков со стрелами, принесенные когда-то в жертву духу. На многих березах и кедрах по периметру поляны также повязаны куски ткани светлых тонов.

На восточной окраине священной поляны лежат остатки старого лабаза, упавшего за несколько лет до нашего первого посещения. Когда он пришел в негодность, неподалеку от него жителями поселка, по «разрешению» духа, было построено новое сооружение. Переселение духа в новое жилище сопровождалось кровавым жертвоприношением. Судя по всему, оба сооружения по конструкции идентичны. По воспоминаниям информаторов, святилище Кон-пах-ики первоначально располагалось около поселка Кинямино и было перенесено на сегодняшнее место после того как в тайге появилось много «чужих» людей — геологов и нефтяников — в 50–60 гг. Место для святилища выбиралось по нескольким признакам — оно должно было быть высоким, желательно отграниченным от поселка водной преградой и труднодоступным для непосвященных. С момента организации святилища это место считалось священным — здесь было запрещено охотиться, собирать ягоды и орехи, в окрестностях нельзя было ловить рыбу. Ханты считали эту территорию, вместе с животными и растениями, собственностью духа, на которую люди не имели права претендовать. Причем, особенно тяжкое наказание за несоблюдение этого запрета ожидало, по убеждению информаторов, нарушителей-инородцев из других поселков.

Поселковые духи-покровители занимают весьма важное место в мировоззренческой традиции хантов. По нашим данным, практически каждый поселок хантов на реках Большой Юган и Малый Юган, как и в других местностях, имеет или имел в недалеком прошлом своего духа и соответствующее святилище. Большинство таких духов считаются предками мужчин, проживающих в поселке. Так, Кон-пах-ики считается предком всех хантов Киняминых, за исключением жен, которые всегда происходят из других поселков. По легенде, бытующей в Кинямино, у верховного божества Санки [аналог Торума — А. З.] есть сын-воин Кон-ики (Царь старик). Некогда он воевал со злым духом Пыхт-ики (Черный старик) и победил его, прогнав в подземный мир. Кон-ики семь раз посещал Юган и оставил здесь своего сына Кон-пах-ики (Кона сын старик), от которого впоследствии и произошли ханты Кинямины. В подтверждение своих слов информаторы показывали мне находящийся в поселке большой пень от старого высохшего кедра, к которому, по преданию, Кон-ики привязывал своего коня во время посещения Югана. Таким образом, все Кинямины считают себя прямыми потомками Кон-пах-ики, его кровными родственниками.

Родственная связь определяет форму взаимоотношений между духом и его живущими ныне потомками. Важнейшую роль в этих взаимоотношениях играет хранитель священного места Кон-пах-ики. Должность хранителя является выборной, но занять ее может только взрослый мужчина — представитель фамилии Киняминых, то есть прямой потомок Кон-пах-ики по мужской линии. При этом, даже из Киняминых на пост хранителя могут претендовать только представители старшей ветви этой фамилии. Представители младшей ветви хранителями святилища быть не могут, но они хранят халат Кон-пах-ики, который обычно находится в доме самого старшего мужчины в этой ветви. Проживающие в поселке представители других фамилий не могут быть хранителями ни святилища, ни халата, хотя им не запрещается участвовать в жертвоприношениях. Хранитель может занимать

свой пост примерно от трех до семи лет (точно срок не определяется), после чего выбирается новый хранитель из числа Киняминых. Пожизненно занимать этот пост нельзя, поскольку это весьма почетная обязанность и ею стремятся воспользоваться все мужчины. Обязанности хранителя заключаются в уходе за святилищем и самим идолом, организации жертвоприношений (сбор денег, покупка жертвенного животного) и руководстве всей обрядностью, которая проводится на культовом месте. Хранитель обязан доставлять на святилище подарки от людей, которые не в состоянии сами посетить духа. Он также является казначеем, аккумулирующим денежные пожертвования духу, которые затем расходуются на ремонт священного лабаза, изготовление новой одежды для идола, проведение жертвоприношений и прочие культовые нужды. Хранитель обладает исключительным правом подниматься в священный лабаз и помещать туда подарки духу, только он может дотрагиваться до идола. В связи с этим, посещение священного места, даже индивидуальное, допускается только в сопровождении хранителя. Поскольку от хранителя требуется хорошее знание ритуальной практики, этот пост, как правило, доверяется зрелым или пожилым мужчинам. Роль хранителя из числа «кровных родственников» духа настолько высока, что в культовой практике практически не прибегают к помощи шаманов. Более того, многие информаторы убеждены, что привлечение шаманов нецелесообразно или даже нежелательно. Таким образом, родовая привязка культа поселкового духа-покровителя является преобладающей.

Функции Кон-пах-ики, как и других поселковых духов-покровителей, представляются весьма широкими. Он считается защитником своих потомков от злых духов, помощником в охотничьем и рыболовном промыслах, к нему обращаются с просьбами избавления от болезней. Одной из важнейших функций Кон-пах-ики признается забота о продолжении рода своих потомков, поэтому ханты считают, что маленькие дети, родившиеся в поселке, находятся под его особым покровительством и защитой. После рождения ребенка отец изготавливает небольшую модель лука со стрелой, если родился мальчик, или лоскут ткани с иглой и ниткой, если родилась девочка. Эти предметы он относит, в сопровождении хранителя, в священный лабаз Кон-пах-ики. Хранитель вешает лук со стрелой справа от изображения духа, а лоскут ткани — слева от него, присоединяя их к связкам таких же вещей, принесенных раньше. Таким образом ребенок ритуально отдается под покровительство Кон-пах-ики. Каждый предмет символизирует конкретного ребенка, несколько отличаясь от других предметов — цветом или длиной лоскута, величиной лука или формой стрелы. Символы находятся в лабазе в первые годы жизни ребенка, когда он наиболее слаб и незащищен от злых духов. Затем хранитель убирает их из лабаза и помещает на стоящие вблизи деревья.

Представлениями о функциональных возможностях духа-покровителя обусловлена обращенная к нему культовая практика, которая предусматривала возможность индивидуальных и коллективных посещений святилища. Индивидуальные посещения проводились спорадически, в случае особых обстоятельств. К таковым относились сильная болезнь, длительное невезение в промыслах, рождение ребенка, которого необходимо отдать под покровительство Кон-пах-ики. По словам информаторов, человек иногда «во сне видел», что нужно посетить духа, «чтобы все было хорошо». Хотя индивидуальные жертвоприношения, как правило, были незапланированными и

состояли только из бескровного угощения (пори) и подарков духу, совершались они обязательно при участии хранителя святилища. В 1992 г. мне пришлось наблюдать одно из таких жертвоприношений. Оно проводилось по инициативе одного из мужчин Киняминых, который хотел испросить благополучия у Кон-пах-ики. В сопровождении хранителя, который шел впереди всех, мы отправились на святое место утром, поскольку в вечернее время беспокоить духа считается невозможным. На священном месте сразу после прибытия был разведен костер, затем началось приготовление к угощению. Хранитель достал из лабаза два халата: один для себя, другой для жертвователя. Из-под лабаза достали стол и выставили на него принесенную с собой пищу и вино. Пища для жертвенного угощения использовалась повседневная, особых блюд для этого не готовили. Несколько кусочков рыбы и печени хранитель бросил в костер для Матери огня (Най-анки).

В целом, роль огня во время жертвоприношений была довольно велика. Най-анки должна была не только очистить людей перед сакральным общением с духом, но и защитить их от возможных негативных последствий контакта с потусторонним миром. Поэтому огонь разводился даже во время бескровных жертвоприношений, и Най-анки всегда получала небольшое угощение. Костер продолжал гореть в течение всего ритуала, постепенно потухая. Он разводился с таким расчетом, чтобы к завершению жертвоприношения он совершенно потух, поскольку затаптывать огонь ногами или перемешивать золу считалось недопустимым — это могло обидеть Най-анки. В последнее время, опасаясь лесных пожаров, которые не редки в этом районе, костер заливают водой, хотя и это противоречит традиции.

Приготовив стол, присутствующие встали лицом к лабазу и хранитель, стоя впереди остальных, обратился к Кон-пах-ики с просьбой принять участие в угощении в его честь и объяснил причину визита. Затем люди трижды совершили по несколько поклонов в сторону лабаза, сопровождая каждую серию поклонов поворотом вокруг себя «по солнцу». Затем хранитель открыл вино, налил немного для Кон-пах-ики и поставил рюмку на стол. Ожидая, пока дух отведаст угощение, люди сели неподалеку от стола на землю и повели разговоры об охоте, рыбалке и прочих обыденных делах. Когда, по мнению хранителя, Кон-пах-ики насытился, к трапезе приступили люди. В начале трапезы каждый по очереди выпил рюмку вина стоя лицом к лабазу и мысленно произнося личные просьбы к духу. В конце пиршества хранитель еще раз поднялся в лабаз и поместил туда подарок от жертвователя — кусок белой ткани на новый халат духу. Завершая жертвоприношение, люди в прежнем порядке — хранитель впереди, остальные позади — попрощались с духом, трижды поклонившись в сторону лабаза и трижды повернувшись вокруг себя. Покидая святилище, хранитель шел позади всех.

Коллективные посещения священного места, как правило, проводились два раза в год — поздней весной, перед началом рыболовного сезона, и осенью, перед началом сезона охоты. Целью таких посещений было получение удачливости в данных промыслах и благополучия в жизни. Помимо регулярных могли проводиться и спорадические коллективные обряды, вызванные особыми обстоятельствами — эпидемиями, общей промысловой неудачливостью сезона и т. д. Например, летом 1992 г. жителями Кинямино

было проведено дополнительное коллективное жертвоприношение в связи с лесными пожарами, охватившими район.

В целом, коллективные жертвоприношения считались более эффективными по сравнению с индивидуальными. Они проходили под руководством хранителя святилища и охватывали почти всех жителей поселка — как Киняминых, так и представителей других фамилий, за исключением только маленьких детей и стариков, не способных добраться до священного места по состоянию здоровья. К коллективному жертвоприношению при желании могли также присоединяться жители других поселков, случайно или специально по этому случаю приехавшие в Кинямино. По словам хранителя — Павла Егоровича Кинямина, такое происходило нередко, однако, посторонние во время ритуала должны были держаться позади Киняминых. Коллективный обряд обычно сопровождался кровавой жертвой (йир), которая была необязательной для индивидуальных посещений. В качестве жертвенного животного традиционно использовался домашний олень, но в последние годы часто происходит замена его бараном, купленным для этой цели у русских жителей, поскольку оленей у хантов в данном районе практически не осталось. Кон-пах-ики полагалось жертвовать животное — самца, в случае, если удавалось приобрести только самку, ей перед жертвоприношением подвешивали на каждое ухо по серебряной монете. Это превращало самку в ритуальную замену самца, допустимую для Кон-пах-ики. Дикие животные в жертву не приносились, поскольку они и без того, по мнению хантов, принадлежали духам.

Ход ритуала коллективного жертвоприношения в основных моментах соответствовал описанному выше индивидуальному посещению (очевидно, индивидуальные обряды являлись упрощенным воспроизведением устойчивых архаичных коллективных ритуалов). Процессия выходила из поселка утром - впереди шел хранитель и старики, за ними остальные мужчины и юноши, последними шли женщины. На святилище мужчины привязывали жертвенное животное к шесту около лабаз, а женщины разводили костер и ставили воду в котле. При этом женщины обязаны были держаться так, чтобы костер находился между ними и лабазом, кроме того, женщины не должны были становиться между лабазом и мужчинами. По рассказам самих хантов, в прошлом женщины вообще не допускались на священное место и во время жертвоприношения могли находиться только на самом краю священной поляны.

Мужчины, надев ритуальные халаты, становились перед лабазом — впереди хранитель и старики, за ними остальные — и хранитель обращался с молитвой к Кон-пах-ики, приглашая его принять участие в празднестве в его честь и излагая просьбы людей. При этом кроме Кон-пах-ики на пиршество приглашались и другие местные духи. Молитва сопровождалась тремя сериями поклонов и поворотов вокруг себя «по солнцу». Женщины, стоя поодаль, за костром, повторяли эти действия. Затем мужчины выводили жертвенное животное и оглушали его ударом обуха топора по голове, перерезали ему шею и снимали шкуру. Разделанное мясо опускали в котел, а шкуру помещали на специальные вешала слева от лабаза. После этого часть сварившегося мяса накладывали в семь чашек, которые хранитель и старики ставили на приготовленный перед лабазом стол. Хранитель поднимался в лабаз и выкладывал перед идолом подарки — белую ткань или новый халат, платки, деньги — и перечислял, кто из людей какой подарок поднес, повторяя их просьбы к духу. Некоторое время присутствующие ждали, пока духи

насытятся угощением. Когда от мяса переставал подниматься пар, трапеза духов считалась законченной, и к пиршеству приступали люди. Мужчины угощались за столом, а женщины отдельно, около костра. Остывшее мясо из семи чашек можно было съесть или унести в поселок — тем, кто не смог принять участие в жертвоприношении, поскольку духи могли питаться только паром. Небольшие кусочки мяса и жира бросали в костер — для Най-анки.

По окончании трапезы в прежнем порядке произносилось прощальное обращение к Кон-пах-ики с поклонами и поворотами вокруг себя. Собрав остатки пищи и посуду, первыми покидали священное место женщины, за ними шли мужчины, замыкал шествие хранитель. В поселке остатки жертвенной трапезы доедали и раздавали отсутствовавшим на святилище.

Коллективные жертвоприношения довольно ярко демонстрируют родовую привязку культа поселкового духа-покровителя. В ходе коллективных обрядов на священном месте происходило мировоззренческое подтверждение общности родственной группы и включение в родовую культовую практику молодых членов коллектива. Родовая окраска проявляется также в наличии особых ритуальных запретов для женщин, большинство которых происходит, по правилам экзогамии, из других поселков и, следовательно, не является потомками Кон-пах-ики. Участие мужчин других фамилий или из других поселков хотя и допускается, но также ограничивается ролью пассивных наблюдателей, которые могут общаться с духом только через посредничество мужчин — Киняминых. Присутствие на жертвоприношении посторонних позволяло, очевидно, максимально ярко почувствовать сплоченность собственной родовой группы и ее отличие от остальных людей. На родовую принадлежность культа Кон-пах-ики указывает и ведущая роль в культовой практике представителей именно старшей ветви фамилии Киняминых как наиболее близких потомков духа. Очевидно, превалирование в данном культе отношений по линии «предок — потомки» обусловило ненужность привлечения к нему шамана, если только он не являлся потомком духа. Самодостаточность патрилинейного родства подчеркивается здесь и такой особенностью, как отсутствие на святилище изображения жены Кон-пах-ики.

Таким образом, культ поселкового духа-покровителя Кон-пах-ики, оберегающего своих потомков и помогающего им в различных сферах жизнедеятельности, может рассматриваться как видоизмененная поздними напластованиями реминисценция культа предков. К таким поздним элементам, видимо, следует отнести включение Кон-пах-ики в общий пантеон духов в качестве внука верховного божества Санки (Торума) и расширенную сферу его функционирования, охватывающую не только потомков, но и (хотя и во вторую очередь) представителей других родовых групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гемуев И. Н. Святилище Халев-ойки // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 78–91.
2. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
3. Соколова З. П. Женские и мужские священные места у хантов р. Сыня // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. Ч. 1. М., 1972. С. 164–175.